

Пролог

ОДНА ИЗ НИХ

1

Яркий солнечный свет после полумрака тюремной кареты со слепым окошком заставил Анику невольно зажмуриться. Солнце, багрово-красное, застыло на горизонте, посылая на землю не по-весеннему жаркие лучи. Карета остановилась посредине мощенного камнями двора, окруженного высокой стеной. Раскаленная мостовая, насыщенный жаром воздух с готовностью приняли Анику, надеясь забрать жалкие остатки влаги, сохранившиеся в ее измученном теле. Но после затхлой духоты кареты она с удовольствием вдыхала сухой, горячий воздух.

Жандармский поручик, начальник караула, галантно помог девушке сойти на землю. Со стороны это было нелепым и забавным зрелищем — помочь арестантке в ручных и ножных кандалах, сером казенном халате и темном платочке, прикрывавшем коротко остриженные русые волосы. Она была красива, эта арестантка: большие выразительные глаза цвета изумруда на худощавом бледном личике с небольшим чувственным носиком — все гармонично, пропорционально и к месту.

Увидев протянутую руку жандармского офицера, она удивилась и замешкалась, но приняла помощь. Его учтивость никак не сочеталась с теми унижениями и страданиями, которые довелось ей испытать за время нахождения под следствием в Киевской губернской тюрьме. Высокие деревянные ворота тюрьмы с полосатой будкой для караульного стали гранью, отделившей настоящее от такой далекой свободы. Весь мир сузился до размера тюремной камеры, переходов и кабинета следователя.

Карaulные провели арестантку к массивной приземистой круглой башне с неизменной полосатой будочкой для часового у входа. Скрипнули тяжелые дубовые двери, пропуская ее и сопровождающего офицера внутрь. В небольшом внутреннем помещении после яркого дневного света их встретил полумрак и новый караул — фельдфебель и двое солдат. Деревянные стол, лавка, топчан вдоль стен и пять железных дверей с зарешеченными смотровыми окошками — вот и всё караульное помещение. Поручик вручил фельдфебелю приказ.

Фельдфебель, пожилой мужчина с рыжевато-седыми усами и многочисленными нашивками на рукаве, неторопливо его изучил, окинул арестантку пронизывающим взглядом и скомандовал:

— В офицерское отделение, в одиночку для смертников.

Сердце Аники сжалось, и через мгновение ему стало тесно в груди. Катастрофически не хватало воздуха. Солдат с безразличными сонными глазами на круглом веснушчатом лице несколько раз стукнул в железную дверь в дальнем углу. В смотровом окошечке появился круглый черный глаз, и из-за двери послышался грубый недовольный голос:

— Чего надо? Соснуть не даете, черти!

Солдатик коротко хохотнул.

— Пассажирка к тебе, Филиппыч! Чтобы не скучал, значит!

Поручик не выдержал и взорвался:

— Обращаться по уставу! Распоясались, сволочи! Фельдфебель, наведите порядок!

Фельдфебель неохотно, с ленцой в голосе отозвался:

— Слушаюсь, вашбродь! — и взрезал солдату в ухо.

У того резко мотнулась голова, но выражение глаз осталось прежним.

Дверь открылась, выпустив надзирателя — полного коротышку с нелепыми кривыми ногами кавалериста, обрюзгшим, неестественно белым лицом в оспинках и черными глазами навывкате. Он сориентировался в обстановке, вытянулся перед офицером по стойке смирно и рывкнул:

— Ваше благородие, куда прикажете сопроводить арестантку?

Тот сердито скомандовал:

— В одиночную!

За дверью оказался серый коридор, в конце его — снова дверь, а справа — ее новая обитель, крошечная камера размером с голубятню с одиноким, привинченным к полу табуретом посередине. Офицер вместе с осужденной зашел в камеру, заполнив собою все свободное пространство. Он был молод, не старше двадцати пяти лет. Его приятное мужественное лицо оказалось прямо перед ней, он посмотрел ей в глаза с сочувствием и тем не менее твердым, официальным тоном произнес:

— Осужденная Мозенз! В соответствии с известным вам приговором губернского суда и так как не соизволили подать апелляцию, вы будете находиться в камере Косого капонира Печерской крепости до исполнения приговора. На вас будут ножные и ручные кандалы. В случае неисполнения приговора сегодня...

Девушка непроизвольно вскрикнула:

— О Господи!

— Вам на ночь, до шести часов утра, будет внесен топчан с соломенным тюфяком. Так-с. Какие будут просьбы, пожелания? — спросил он и добавил более мягким тоном: — Водки хотите?

«Вот и все, — подумала Аника с горечью, — сегодня мои страдания закончатся». Теплившаяся надежда на чудо избавления от смерти, от тюрьмы умерла вместе с этими мыслями. На душе вдруг стало спокойно, исчезли вмиг ее тревоги и ожидания. Она лишь слотнула образовавшийся комок в горле.

— Спасибо, я не пью... не пила раньше, — голос звучал удивительно ровно, буднично, как бы безотносительно к ней. — Если можно, воды, холодной воды — жара сегодня невообразимая, сударь. И раз уж вы так любезны, то распорядитесь принести мне Библию и свечу. Когда за вами закроется дверь, наступит темнота... Большую свечу, пожалуйста, чтобы надолго хватило, — боюсь я темноты! —

Ненадолго задумалась, а потом добавила: — Не знаю, сколько мне суждено здесь пробить...

От безысходности этих слов Анике стало холодно, ее стала бить мелкая дрожь. «Как страшно ожидать смерти за преступления, которых не совершала, — ни в мыслях, ни наяву!» В отчаянии она выкрикнула:

— Боже, ты же знаешь — я не виновна! Открой глаза этим людям! — Но тут же и успокоилась: — Извините, нервы.

Поручик сочувственно посмотрел на обреченную. Его взгляд иллюстрировал статью Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Девушка из высшего общества в преступнике, идущем на казнь, видит только красивого молодого человека с несложившейся жизнью, сочувствует ему, а уличная торговка абстрагируется от внешности, видит в нем лишь убийцу и жаждет его наказания. Молодой офицер видел в арестантке привлекательную молодую девушку, а не подлую отравительницу-убийцу.

— Зря вы от водки отказываетесь, мадемуазель! — Его взгляд бегал по сторонам, а на лбу выступила испарина. — Это ваше дело, но, уверяю вас, легче станет...

— Легче будет умирать в неполные двадцать два года? — закончила она за него. — Поверьте, поручик, мужества мне хватит и без водки, обидно, что без вины погибну...

— Мадемуазель, я не хотел вас обидеть, даже наоборот... Видел я многих осужденных, в том числе и смертников. Прости их, грешных! — Поручик перекрестился. — Я хочу верить в вашу невиновность, и подсказывает мне сердце, что вы не убийца, — вы не похожи на преступницу, — и он сменил тему разговора. — Кстати, мадемуазель, с вами я встречался на вечере поэзии в Народном доме. Вы читали свои поэтические творения, безусловно, талантливые! Их потом напечатали в газете «Курьеze». Стихотворения прекрасные, чувственные, в них много трагизма и даже мистицизма. Я к вам подходил как благодарный слушатель, даже имел смелость пригласить на ужин в ресторацию «Эрмитаж», но вы восприняли приглашение как неудачную шутку, а вскоре к вам подошел молодой человек, и вы с ним уехали на извозчике. Припоминаете?

Девушка всмотрелась в жандарма и с легкой иронией тихо произнесла:

— Вы были тогда не в мундире, такой, как все. Приятный молодой человек.

— После того вечера я несколько дней был не в себе, все хотел с вами встретиться... С тем молодым человеком у вас был роман? Его звали, если не ошибаюсь, Михаил?

— Какая разница, сударь, как его звали и был ли у меня с ним роман в той жизни, оставшейся за стенами тюрьмы! — раздраженно ответила девушка. — Если вам угодно знать, то он умер. Не вынес позора и лжи! Вскоре я последую за ним, и не без вашей помощи, — и она с чувством продекламировала четверостишие:

Я буду любить тебя вечно,
Мы будем с тобою всегда.
Что жизнь? Ведь она быстротечна...
Душа — не умрет никогда!

— Мадемуазель, я верю в вашу невиновность... — Он замолк, не находя больше слов.

— Тогда почему я здесь, а не на воле? Почему вы держите меня здесь и готовите казнь, хотя верите в мою невиновность? — голос ее срывался от возмущения и обиды.

— Это решает суд, те, кто наверху, но никак не я! Мое дело выполнять приказы, а не рассуждать. Да-с! — безапелляционно заявил он, разведя руками, и сразу вновь смягчился: — Может, все-таки водки изволите?..

— Вы... чудовище! — взорвалась Аника. — Другие хоть уверены в моей виновности и видят во мне убийцу, а вы, сочувствуя и сострадая, предполагая, что я невиновна, спокойно поведете меня на эшафот! Так приказало начальство! Отговорка для подлецов!

Лицо офицера залила краска стыда. Не в силах найти нужные слова, он непроизвольно открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба.